

Московское государство в европейском геополитическом пространстве в середине XV – начале XVI вв.

Черникова Т. В.

В данной статье рассматривается вопрос появления во второй половине XV – начале XVI веков в большом европейском геополитическом пространстве Московского государства. Исследуются расчеты Папской курии и Габсбургов по привлечению нового крупного восточноевропейского православного государства к противодействию османской экспансии в Европу. Также поднимается вопрос о различном понимании Москвой и Западной Европой «византийского наследства». Внешнеполитическая линия России в вопросе отношений с Турцией трактуется как типичная для большинства европейских стран того времени.

Со второй половины XV в. кончается период изоляции Северо-Восточной Руси от западноевропейских стран. Особый интерес к молодому Московскому государству проявили Папская курия и Священная Римская империя германской нации, что объяснялось не только расчетами на возобновления процесса расширения церковной унии, но, прежде всего, надеждой увидеть в этом новом восточноевропейском государстве союзника по борьбе с турецкой экспансией в Европу. Расширение Османской империи, которое шло с начала XV века с поразительной быстротой, представляло реальную опасность христианской цивилизации.

Наглядным примером этого стала гибель Византийской империи, альтернативного западноевропейскому цивилизационного центра средневековой Европы. Территориальные границы европейской цивилизации сокращались за счет поглощения османами юго-восточного европейского пространства. Греция, Сербия, Болгария и другие южнославянские государства, албанские, волошские, молдавские земли, частично территория Венгрии и южные владения Австрии превратились в турецкие колонии. Угнетение христиан здесь дополнялось угрозой их исламизации (что вскоре и случилось с большей

частью албанского населения и частично с сербским населением Боснии). У всех в памяти был пример почти полной турецкой ассимиляция и исламизация малоазийских православных византийцев.

Между тем в XV столетии европейский католический мир, представленный более сотней государственных формирований, составлял аморфное цивилизационное единство, раздираемое внешними и внутривнутриполитическими конфликтами. Причем его духовно-религиозная ось — католическая церковь, — стояла на пороге грандиозного кризиса. Реформа католицизма в Чехии в первой половине XV в., последовавшая за гуситскими войнами 1419–1434 гг., была первой ласточкой надвигающейся Реформации, которая поглотит Европу в XVI столетии.

Священная Римская империя германской нации в этом хаосе старалась претендовать на роль некоей консолидирующей христианский мир «вселенской» силы. Одной из главных провозглашенных ею целей являлась задача оградить европейцев-христиан от турецкого нашествия. На фоне объективной турецкой опасности это поддерживало надежду на создание некоего «общехристианского» европейского единства для отражения османской экспансии и помогало контактам Москвы с Западом.

Черникова Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент Кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России

В этом контексте важно понять, почему данные надежды папства и Габсбургов оказались только иллюзией. Не менее важен и вопрос о позиции Московской Руси на этот счет. Причем интересно выяснить, насколько дипломатия Москвы совпала с позициями других европейских стран. Как представляется, в плане борьбы с османами ожидания европейцев на счет Московской Руси оказались преждевременными.

Москва и провал «проекта единства христианской Европы»

Нельзя сказать, что Европа благожелательно восприняла появление на своей восточной окраине нового, территориально огромного Московского государства. Западная Европа была скорее озадачена, а ближайшие соседи России — Польша, Литва, Ливонский Орден и отчасти Швеция — серьезно встревожены. Явление Московии, сразу же приступившей к внешней экспансии и строительству империи, разрушало порядок, построенный в европейском мире за предыдущие три столетия.

Суть прежнего, позднесредневекового «евроустройства» сводилась к тому, что «настоящими» европейскими странами на Западе привыкли считать лишь романо-германские государства, и с определенной натяжкой — западнославянские и иные в этническом плане страны, находившиеся в лоне католицизма. Воспоминание о разнообразии Европы периода раннего Средневековья, когда варвары соседствовали с еще сильной Византийской империей, а феодальная западноевропейская цивилизация делала только первые шаги, уже истерлись. Раскол христианского мира и выработанное в невероятных усилиях культурно-историческое единство средневекового Запада предельно сузили европейский мир в представлении западных европейцев.

При этом социокультурное единство Запада не исключало, а, наоборот, предполагало жесточайшую конкуренцию, борьбу, взаимное недоверие и даже ненависть составляющих западный мир частей. Что же говорить о непохожем на Запад христианском европейском Востоке? Все непохожее, хоть и находящееся в Европе, относилось к категории «чужого», «неправильного» и «опасного». Но с этим «чужим» западноевропейские силы, монархи и сам папа Римский, могли вступать в прагматические связи. В этом не было ничего удивительного. В XV–XVI вв. Западная Европа была вынуждена контактировать и с куда более чуждым ей, нежели Россия, мусульманским миром.

Со своей стороны, воспитанная в православной традиции Московская Русь вовсе не считала «еретический» мир Запада «правильным». Россия XV–XVI вв., не стесняясь, декларировала свое духовно-религиозное превосходство как над католическим Западом, так и мусульманским Востоком, что, впрочем, тоже не препятствовало ей вступать с ними в переговоры, исходя из политической, военной или

какой-либо иной выгоды. При этом Россия, как и Запад, со своей стороны преследовала, прежде всего, собственные цели, мало думая о возможных компромиссах. Показателен в этом плане обмен посольствами Ивана III с Ватиканом, в результате которого московский государь вступил в свой второй «политико-сакральный» брак.

В переговорах Рима и Москвы каждая из сторон вела монолог, надеясь обхитрить оппонента. Византийская царевна Зоя, дочь деспота Морей Фомы и племянница последнего византийского императора Константина XI Палеолога, воспитывалась в Риме. В феврале 1469 г. в Москву прибыл посланец папы Павла II грек Юрий с письмом от кардинала Виссариона (образованного грека из Трапезунда, в прошлом архиепископа Никеи, получившего титул кардинала, а с 1463 г. считавшегося униатским константинопольским патриархом). Т. Д. Панова, обобщившая выводы исследовавших жизнь и деятельность Виссариона П. Пирлинга, Л. Мохлера и Г. Шубманна, дает ему такую характеристику. Виссарион «был в равной степени своим человеком как в греческих, так и в латинских культурных кругах. Он сумел объединить воззрения Платона и Аристотеля, греческую и римскую форму христианства.

Будучи духовным лицом, Виссарион не чуждался и светской деятельности, был опытным дипломатом и ведущим гуманистом своего времени. Его двор при церкви Святых апостолов Петра и Павла в Риме стал местом, где собирались именитые греки и итальянские эллинисты»¹. Виссарион сделал все, чтобы дети деспота Фомы (Зоя и два ее брата) получили хорошее западное воспитание. В своем письме от 9 августа 1465 г., где была изложена программа образования юных Палеологов, кардинал настаивал, чтобы они во всем — одежде, манерах, образе жизни, — ориентировались на итальянцев. «У вас будет все, — поучал Виссарион царевну и царевичей, — если вы станете подражать латинянам; в противном случае вы не получите ничего»².

В официальных документах юную византийскую принцессу католичку Зою называли «возлюбленной дочерью римской церкви»³. Забавно видеть на этом фоне, как Виссарион, предлагая руку византийской царевны русскому православному государю, называет ее в своем послании уже на греческий манер Софьей. Он рассказывает о ее преданности греческой вере, ради которой она, якобы, отказала высокопоставленным женихам-католикам — медиоланскому герцогу и французскому королю. На самом деле в начале 1460-х шли переговоры о выдаче Зои за маркиза Мантуи, сына Лодовика III Гонзаго, а в 1466 г. стоял вопрос о ее браке с королем Кипра Иоанном III из французского рода Лузиньяков⁴.

Иван III, со своей стороны, тоже проявляет гибкость и хитрость. В 1469 г., после совещания с Боярской думой, митрополитом и матерью он посылает в Рим Ивана Фрязина, служившего в Москве

монетным мастером уроженца итальянского города Винченцы, в принципе с благожелательным ответом, но тянет еще 2 года. Лишь в мае 1472 г. по прибытию в Рим уже второго московского посольства во главе все с тем же Иваном Фрязиным, «дело» сдвигается «с мертвой точки». В пути русские посланцы узнали о смерти Павла II, и им пришлось самим, стерев имя Павла, вписать в свою «верительную грамоту» имя нового папы Сикста IV.

Теперь маленький лист пергамента с золотой печатью сообщал на русском языке: «Великому Сиксту, первосвященнику римскому, князь Белой России челом бьет и просит, чтобы верили его послам»⁵. Привлекает внимание словосочетание «Белая Россия». «Белая» в данном контексте говорит о суверенности московского монарха, «самодержавии» его именно в понимании независимости от какой-либо внешнеполитической силы, включая ордынскую. Подыгрывая папе, намекая на принятие «византийского наследства» и «византийских обязательств», Иван III называет свою страну на греческий манер — «Россией», а не Русью.

При этом вовсе не наивность или неопытность заставила московского государя отказаться от личного обращения к папе или от выдачи своему посольству строгих инструкций. Полагая все на инициативу Ивана Фрязина, Иван III оставлял за собой свободу маневра. В любой момент он мог отказаться от принятых послом обязательств, объявив их самоуправством итальянца, превышением им своих служебных полномочий.

Посол московского государя Иван Фрязин перешел на Руси в православие, что, впрочем, не мешало ему, приехав в Рим, выступать как католик Джан Батиста делла Вольпе. Первый раз в 1469 г. Иван Фрязин очевидно обнадежил папу Павла II относительно идеи продвижения греко-католической унии на Восток и возможности вступления Московии в войну с турками. Причем, не известно, было ли это хитрой игрой московской дипломатии, или Фрязин действовал на свой страх и риск. Скорее, конечно, первое. Все правители того времени легко «забывали» свои обещания, если политическая выгода или обстоятельства требовали этого. Не составлял исключение и Иван III. Разве не обещал он в 1478 г. новгородцам не отбирать их вотчин, имущества и не выселять их в другие земли, а к 1490-м гг. 89% лучших людей Новгорода оказалось совсем не в родной земле, а их новгородские вотчины — конфискованными? Не он ли в 1498 г. будет венчать на великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича, а в 1502 лишит его наследства и сошлет в Углич?

Как бы то ни было, московский посол Иван Фрязин обнадежил итальянцев. Несмотря на то, что часть кардиналов высказала сомнения относительно пользы брака Зои Палеолог с московским монархом, ибо о земле и вере московских «рутенгов» мало что было известно, папа Сикст IV настоял на

браке. А хроники городов Витербо и Виченцы, через которые впоследствии ехала на Русь Зоя (Софья), отразили уверенность, что вскоре греческая Морея будет отвоевана у турок силами мужа «королевы России» («la regina di Russia»)⁶.

1 июня 1472 г. состоялось символическое бракосочетание Зои, которую, очевидно? в этот момент следует считать униаткой, а не католичкой. Жениха — великого московского и владимирского князя Ивана III представлял Иван Фрязин. На Руси заочное бракосочетание было совершенно не известно, а на Западе — вполне распространенным. Согласие русского посольства на данный ритуал укрепило надежду папской курии на скорое религиозное и внешнеполитическое сближение Москвы и Рима. Обряд совершил католический священник в присутствии папы, представителей кардиналов, знатных жителей Рима, Флоренции, Сиены, среди которых находились боснийская королева Катарина и супруга флорентийского правителя Лоренцо Медичи — Клариса Орсини.

24 июня 1472 г. московское посольство и царевна Зоя Палеолог в сопровождении папского легата Антонио Бонумбре и 60-ти всадников отправились на Русь. Обоз тянула сотня лошадей. Ватикан выдал 5 400 дукатов (из них легату приходилось 600, остальные — Софье)⁷. Везде в Европе по папской грамоте, где царевна была названа папой его «возлюбленной во Христе Иисусе дочерью», а московский князь Иван — «дорогим сыном», брачную процессию встречали роскошными праздниками и щедрыми подарками⁸.

Из Любека процессия отплыла морем на Ревель (Колывань), а 11 октября уже прибыла в Псков, откуда через Новгород начали движение к Москве. В русских городах царевну встречали колокольным звоном, духовенство служило молебны, так же давались подарки. В день памяти Иоанна Златоуста, небесного покровителя Ивана III, 12 ноября 1472 г. Софью и сопровождавших ее греков с католическим кардиналом Антонием уже встречали в Москве. Папский легат на Русском Севере шел во главе процессии, неся латинский крест.

Однако в Москву процессия прибыла по-другому. Митрополит Филипп сообщил великому князю, что если Антоний с «крыжом» войдет в одни московские ворота, он, митрополит, выйдет в другие «... потому что, кто возлюбит и похвалит веру чужую, тот своей поругался»⁹, — объяснил митрополит. За 15 верст от Москвы боярин Федор Хромой, посланный Иваном III, отобрал латинский крест у Антония и спрятал его в санях. Попало и послу Ивану Фрязину: его, по известию Львовской летописи, «поимали» и «пограбили»¹⁰.

По прибытию в Москву принцессу Зою перебрали по принятому здесь православному обряду и с именем Софья тут же обвенчали с Иваном III. Причем, по сообщению Второй Новгородской летописи, венчал молодых не митрополит, а коломенский

протопоп Осей¹¹. Очевидно, в вопросе брака с Софьей и присутствия в Москве римского посольства у государя Ивана Васильевича и митрополита Филиппа по-прежнему были существенные противоречия, что, впрочем, не нашло отражения в официальном московском летописании. Оно рисует умильную картину свадьбы, где митрополит благословляет великокняжескую чету¹². Римское посольство находилось в русской столице еще два с лишним месяца и отправилось домой 26 января 1476 г., везя богатые дары для римского первосвященника.

Русские летописцы XV-XVII вв., а также такие авторы XVI в., как Сигизмунд Герберштейн и Андрей Курбский, свидетельствовали о большом влиянии Софьи и ее греко-итальянского окружения на русского государя. Московские хронисты даже приписывают Софье внушение идеи окончательно порвать зависимость Руси от Орды¹³. Византийцы, прибывшие с Софьей, принесли на Русь идею «византийского наследства», которую, правда, москвитяне истолковали по-своему и весьма отлично от представлений греческих интеллектуалов или восточных православных монахов-исихастов. Впрочем, некоторые греки из свиты Софьи вполне слились с новой родиной и даже стали ее подвижниками. Так, знатный грек князь Константин, родом из Мангуп-Кале в Крыму, принял постриг в Ферапонтовом монастыре, а в 1490 г. основал под Угличем скит, где жил под именем инок Касьяна. Русская церковь причислила Касьяна Угличского (или Мангупского) к лику святых. Созданная им обитель существовала до конца XVIII века¹⁴.

Павел II и Сикст IV преследовали в деле брака Софьи две цели: присоединение Московии к унии, провозглашенной на Флорентийском соборе 1439 г., и побуждения России к началу активных действий против турок. Кардиналу Антонию не удалось преуспеть в обоих направлениях. В Москве мудрой Софье ничего не оставалось делать, как заявить о себе как о яркой православной. Православие, как мы знаем, сумела сохранить и дочь Ивана III и Софьи — Елена, что сделало ее брак с литовским великим князем и польским королем католиком Александром смешанным, весьма редким феноменом для того времени. В итоге, можно считать, что этот брак Елены (не давший потомства и несчастливый в личном плане) принес односторонние религиозно-политические выгоды Москве.

Не нашел сочувствия в России и второй внешнеполитический, можно сказать, глобальный цивилизационно-конфессиональный проект Ватикана: создание единого фронта христианских держав против Османской экспансии. Россия во второй половине XV и далее вплоть до конца XVII вв. не имела сил, а потому и желания вступать на эту опасную стезю. И, конечно, не ее «несговорчивая» позиция в вопросе борьбы с турками похоронила проект создания единого европейского христианского фронта против Турции. «Обрушение» данного

проекта началось давно. Западный мир, за исключением Венгрии, Венеции и Генуи, сразу продемонстрировал равнодушие к этой затее. Быть может, окажется удачным крестовый поход, провозглашенный папой Евгением V в 1440 г. вскоре после принятия Флорентийским унией, ситуация и изменилась бы.

Но армия крестоносцев, состоявшая главным образом из венгров, которая переправилась через Дунай в 1444 г. имела мало шансов одолеть турок. Только миролюбие султана Мурада II, уставшего от власти и собиравшегося оставить трон своему единственному двенадцатилетнему сыну Мехмеду (будущему завоевателю Константинополя), привело к заключению мирного договора. Однако папский легат кардинал Чезарини неправильно трактовал причины миролюбия султана Мурада. Он увидел здесь проявление слабости и решил, что для христиан-европейцев заключенный мирный договор станет отличной уловкой, чтобы за счет вероломного и неожиданного для османов нападения вырвать у них военную победу. Чезарини принудил трансильванского воеводу Яноша Хуньяди, предводителя крестоносцев, нарушить клятву (ведь клятвы, данные неверным можно и не выполнять!). В итоге на берегу Черного моря недалеко от Варны крестоносцы были разгромлены, после чего крайне ослабла Венгрия, войска которой слишком долго являлись главной европейской силой, сдерживающий натиск турок.

После всего этого, в 1472 г. наивно было думать, что за счет включения в антиосманские силы православной северо-восточной Московии можно если и не создать единый христианский фронт против Турции, то хотя бы добиться остановки османской экспансии на Балканах и в Центральной Европе.

Оказалось, что Павел II, Сикст IV, как и многие греки-униаты, а также восточные православные, имеют с Москвой разное понимание «византийского наследства». Папа, прельщая московского государя возникшими у него, вследствие брака с Софьей, правами на «византийские вотчины», имел в виду войну за конкретные территории, бывшие некогда византийскими. А русский государь грезил о переносе на «семь московских холмов» вселенских претензий византийской империи. При этом московская дипломатия поспешила наладить вполне дружественные отношения с мусульманской Турцией при посредничестве Крыма, который сам вскоре оказался вассалом Турецкой империи. Москва положила в основу своей внешней политики исключительно свои национально-государственные интересы, трактуя в их рамках и религиозно-идеологические вопросы, что вполне соответствовало той политике, которую вели в отношении турецкой экспансии Франция, Англия и большинство других западноевропейских государств.

В раннее Новое время, политические, а главное коммерческие интересы западных стран значили куда больше, чем стремление к религиозной солидарности.

Примечательна в этом плане история последней битвы за Константинополь. В ней против 80-ти тысячного войска Мехмеда II, император-униат Константин XI сумел выставить около 7 тыс. человек — 4983 грека и чуть менее 2000 иностранцев¹⁵. Все иностранцы были западноевропейскими католиками, за исключением людей турецкого принца Орхана, с детства заложника, обещавшего защищать до последнего ставший для него родным христианский город.

Большинство иностранных защитников Царьграда составляли венецианцы. Также в январе 1453 г. на берега Босфора прибыл отряд из 700 хорошо вооруженных и обученных солдат, 400 из которых были завербованы в Генуе, а 300 — на островах Хиос и Родос. Командовал ими молодой, но уже знаменитый кондотьер Джованни Джустиани Лонго. Император встретил Джустиани с распростертыми объятьями и пообещал ему остров Лемнос в случае победы, однако надо было быть очень наивным человеком, чтобы надеяться, что данная благодарность когда-либо осуществится.

В отличие от Джустиани, один венгерский пушкотейный мастер по имени Урбан, узнав, что император не может заплатить ему за службу тех денег, на которые он рассчитывал, перешел на сторону турок. И, когда султан заплатил ему жалование в четыре раза превышавшее запросы мастера, принялся отливать для османов превосходные орудия, в том числе две гигантские пушки¹⁶, одна из которых сыграла большую роль в уничтожении константинопольских укреплений.

Одна из этих пушек, установленная на стене крепости Румелихисар, одним выстрелом уничтожила целый венецианский корабль. Вторая была еще больше и мощнее. Длина ее ствола равнялась 26 футам и 8 дюймам (около 8 м 13 см), толщина бронзовой оболочки ствола — 8 дюймам (20,32 см), вес ядра составлял 1200 фунтов (около 544 кг). В доставке пушки к Константинополю участвовало 200 человек, повозку тащили 60 валов.

Среди иностранцев, которых мы знаем по именам, был инженер Иоганнес Грант (немец или шотландец по происхождению). К защитникам города присоединились отряд консула Перес Хулиа из каталонской колонии, моряки одного каталонского корабля, кастильский дворянин дон Франсиско из Толедо, считавший, что он потомок императора Алексея I Комнина, а так же некоторые другие иностранцы из разных стран. Участвовал в обороне города и некто из балканских славян, который вел в осаду записи. Позже они, в сильно искаженном виде, с явно вымышленными фигурами патриарха и императрицы, попали в так называемую «Славянскую летопись», первоначально написанную на балканском варианте старославянского языка. Позже были созданы румынская, болгарская и русская версия. Последняя приписывает авторство Нестору-Искандеру, быть может, это имя автора-участника событий¹⁷.

Мы так подробно остановились на иностранных христианах — участниках последней битвы за Царьград, чтобы отдать дань уважения людям, которые сумели стать выше расчетов, религиозного фарисейства и теологического догматизма, и своим поведением явили в первую очередь высокое нравственное чувство христианского долга. Однако подобное чувство разделяло явное меньшинство христиан, как католической, так и православной конфессий. В Ватикане часто звучали сомнения, стоит ли продолжать призывать к помощи Константинополю, раз уния не популярна среди греков, а остальной православный Восток от нее, по сути, уклонился.

Нашествие османов, как и постоянные неудачи прежде могучей Византийской империи, большинство западных католиков трактовало как наказание Божье за раскол и «православную ересь». Поразительно близка к этой трактовке и позиция Московской митрополии. Только причиной наказания греков у русских православных выступает согласие византийцев на унию с католической церковью в 1439 г. Многие константинопольские аристократы-униаты бежали в Европу. Из кардиналов-греков лишь Исидор, изгнанный в свое время русскими за признание унии с митрополией кафедры в Москве, прибыл в Константинополь. Страны дальнего европейского Запада вообще ни как не реагировали, ни на послания папы, ни на призывы Венеции, ни на мольбы о помощи многочисленных константинопольских послов.

Правительства же Венеции и Генуи «ни на минуту не упускали из виду своих коммерческих интересов. Для их торговли было бы пагубным отдать Константинополь в руки турок, но столь же пагубным было бы и обидеть турок, с которыми они уже вели выгодную торговлю»¹⁸. Венецианский флот, посланный слишком поздно на помощь осажденному Константинополю, так и не вошел в Золотой Рог. Флот «застрял» в ожидании попутного ветра около острова Хиос, где его и застали с печальной вестью о падении Константинополя генуезцы, сумевшие вырваться из взятого турками города.

В 1452–1453 г. Генуя уклонилась от оказания какой-либо официальной поддержки Константинополю, посоветовав византийским послам отправиться за помощью во Францию и Флоренцию. Король Арагона Альфонс, во власти которого находилась Южная Италия и Сицилия, обещал византийцам лишь разрешить закупку продовольствия в своих итальянских владениях. Для Венгрии, ослабленной поражением у Варны 1444 г., выступить в одиночку против турок было равносильно самоубийству. Впрочем, регент венгерского престола Янош Хуньяди, возможно, и рискнул бы. Сосредоточив все силы у Константинополя, турки оставили границу на Дунае практически без охраны. Это давало какой-то шанс на успех, Впрочем, наверняка временный. Однако Хуньяди уже не был полновластным правителем Венгрии. Король

Владислав V, с которым регент имел натянутые отношения, уже достиг совершеннолетия.

Православные правители были так слабы, что даже если бы все они загорелись мыслью спасти то, что осталось от некогда великой православной империи, то из этого ничего бы не вышло. Молдавские господа Петр III и Александр II находились в борьбе друг с другом. Валахский господарь Владислав II был уже османским вассалом и без помощи Венгрии выступить не мог. Сербский деспот Георгий, вассал Турции, вынужден был послать свои войска, но не в помощь христианам, а в помощь туркам. В итоге, православные сербы, если верить турецким источникам, хоть и сочувствовали христианам, но храбро воевали на стороне их противника. В Албании турецким дипломатам удалось завязать внутреннюю смуту, в ходе которой сторонник борьбы с османами Скандербег был атакован другими албанскими вождями. Грузинский царь и Трапезундский император с трудом защищали свои границы.

О русских единоверцах вообще говорить не приходится. Единое русское государство в роковые для Константинополя годы еще не родилось. Русское же православное духовенство, как уже говорилось, после Флорентийской унии 1439 г. бойкотировало Константинопольский патриархат, впав де-факто в автокефалию. Дело было не только в догматических и культовых расхождениях православия, католицизма и возникшей после 1439 г. греко-католической интерпретации христианского учения. Для местного русского «некнижного» духовенства разрыв с Константинополем неожиданно открывал новые карьерные горизонты, а прежде большинство старших иерархов, по происхождению греков или южных славян, назначались в Москву из Константинополя, строгий контроль патриархия вела и за русскими кандидатами на высшие церковные должности Московской митрополии. Разрыв с Константинополем объективно способствовал быстрому становлению русской национальной церкви и сближению ее с Московским государством, которое должно было заместить ту помощь, которой лишилась митрополия со стороны дряхлеющей Византии. Возможность решить за счет государства многие свои проблемы, были очень притягательны для русской церкви, хотя с другой стороны это открыло возможность быстрого подчинения национальной церкви государству, превращения ее из духовного учителя и нравственного судьи в помощника и слугу.

Претензии видеть русскую православную церковь именно в такой роли высказал еще Дмитрий Донской, пытаясь сделать митрополитом наспех принявшего монашество своего духовника попа Митяя, а после его смерти долго враждуя с греком, назначенным Константинопольским патриархатом митрополитом всея Руси. После 1439 г. и на фоне крайнего ослабления, а потом и падения Константинополя, идея русской автокефальной церкви, независимой от Кон-

стантинополя, но жестко привязанной к центральной власти в Москве, обретала на Северо-Востоке Руси плоть и кровь. Символично, что инициатором отпора «проискам» русского митрополита-униата грека Исидора выступил внук Дмитрия Донского, великий князь Московский и Владимирский Василий II Васильевич (1425–1462). Это был правитель самых посредственных способностей, однако даже он инстинктивно осознавал выгоды своего государства-вотчины в данном вопросе. Неудивительно, что обращения Константинополя к Москве за помощью незадолго до окончательного падения Византии остались без ответа¹⁹.

После падения Константинополя (29 мая 1453 г.) все в Европе затеяли «двойную игру». Венеция отозвала флот и встретила греческих христиан-беженцев постановлением 1453 г., по которому у несчастных отобрали все имущество и деньги. Официально — на уплату прежних императорских долгов, на деле же — чтобы возместить за счет «схизматиков» хоть что-то из своих убытков. Материальные потери венецианцев в Константинополе исчислялись в 100 тыс. дукатов²⁰. Губернаторам венецианских колоний на Крите, Халкисе и Лепанто были отданы приказы готовиться к отражению возможных турецких атак, но одновременно Сенат отправил в Константинополь посла Бартоломео Марчелло. На подарки султану и визирям выделялось 12 тыс. дукатов. Марчелло должен был добиваться продления договора, который Венеция в свое время заключила с отцом Мехмеда II — султаном Мурадом II.

Венецианцы рассчитывали получить те же привилегии, какими они пользовались во времена поздней Византии. За первый год переговоров Марчелло договорился о выкупе из плена всех своих соотечественников и их судов. Два последующих года он безуспешно пытался оградить венецианские торговые интересы. Республика осталась недовольной своим послом. В 1456 г. он был отозван и посажен на год в тюрьму, якобы за то, что обещал султану отпустить на свободу нескольких турок, находящихся в плену в Халкисе.

Папа Николай V 30 сентября 1453 г., т.е. через четыре месяца после падения Константинополя, разослал западным монархам буллу, призывавшую каждого властителя и его подданных отправиться в крестовый поход против турок и пожертвовать на него десятую часть своих доходов. Два грека-кардинала — Виссарион и выживший, несмотря на свое непосредственное участие в защите Константинополя, Исидор, — заполнили Италию посланиями в поддержку нового крестового похода. На всех немецких ландтагах в течение 1454 г. ратовал за поход сиенский гуманист Энеа Сильвио Пикколомини, оплакивавший в письме к папе «вторую смерть Гомера и Платона». На словах с ним вполне был солидарен император Фридрих III, да и все западные христианские государи. По всей Франции раздавалась

печальная погребальная песня, сочиненная Гийомом Дюфэ по случаю гибели Византийской империи.

А трагикомическим апогеем «сопереживания» может рассматриваться «клятва фазана». В Льеже в 1454 г. на пиру у герцога Бургундии Филиппа Доброго была разыграна трогательная пантомима, в центре которой оказался юный Оливье де ла Марш (он искренне всю жизнь чтит погибшего при защите своей столицы Константина XI, считая его единственным подлинным императором, в отличие от его германского «коллеги»). На пиру же Оливье де ла Марш в женской одежде, рядом с украшенным драгоценными ожерельями «византийским» фазаном, изображал страдания Матери-Церкви, а великан-сарацин грозил ему, птице и всем присутствующим игрушечным слоном. В итоге герцог и все его окружение дали торжественную клятву: двинуться в крестовый поход, который так никогда и не состоялся.

Внутренние проблемы не позволяли европейцам объединиться во имя этого святого, но «чужого» для большинства западных христиан дела. Западно-европейский простолудин совершенно не разделял пафоса интеллектуалов Оливье де ла Марша и Энеа Сильвио Пикколомини. Он не понимал, почему его призывают жертвовать свои скудные средства на спасение тех, кого Римская церковь четыреста лет учила считать еретиками. По его разумению, греки были справедливо наказаны Богом — за схизму и нежелание восстановить единство христианского мира.

Император Священной Римской империи Фридрих III, в отличие от обывателя, понимал, какая опасность грозит Центральной Европе. В особенности Австрии, если допустить поражение еще боровшихся с натиском османов Венгрии, Хорватии и Албании. Но он был слишком беден и не обладал реальной властью, способной направить всех немецких князей на войну с турками. Во Франции Карл VII должен был сначала озаботиться восстановлением собственной страны после Столетней войны. Англия, пострадавшая от этой войны еще больше Франции, стояла на пороге внутренней бойни, известной позже как война Алой и Белой роз. К тому же британский монарх Генрих VI лишился рассудка.

Престарелый арагонский король Альфонс не готов был пойти дальше защиты своих интересов в Италии. Генуя теперь и рада была бы участвовать в крестовом походе, но от ее прежнего могущества остался мираж. Генуя, ослабленная длительными войнами с Альфонсом Арагонским, французами и миланцами, стремящихся низвести ее до положения своего вассала, после падения Константинополя, и перехода проливов под монопольный контроль османов, была обречена на потерю сначала своих черноморских колоний во главе с Кафой, а потом и на распад всей ее торговой империи. (Очень символично, что великий генуезец Колумб совершивший открытие Нового Света в 1492 г., находился уже на службе у испанской короны.) Мелкие западноевропейские

средиземноморские города поспешили довольствоваться налаживанием местной торговли с турками, чему Мехмед II вовсе не препятствовал.

На фоне всего этого, позиция Ивана III, «не услышавшего» призыв папы к созданию европейского христианского союза против османской агрессии и «закрывшего глаза» на быструю религиозную и этническую ассимиляцию бывших византийцев в Малой Азии, выглядит логичной и «чисто европейской». Московский государь имел возможность трезво оценить позицию других европейских стран и потенциал Турции. Империя османов находилась на взлете своих экспансивных возможностей (пик ее имперского могущества вообще раскрылся в XVI в.). Иван III понимал, что тягаться с османами в юго-восточном европейском пространстве конца XV для Москвы было бессмысленно, да и физически невозможно. Случись такая борьба, она, может быть, и ослабила бы натиск турок на австрийские границы, Хорватию и Венгрию, но обратила бы экспансию Турции на север от Крыма, ставя под вопрос будущее России как сильного государства.

Все были по-своему правы, но в итоге раскол христианского мира явно разрастался. Французский король-католик в борьбе с австрийскими Габсбургами за влияние в континентальной Европе нашел возможным рассматривать турок, наседавших с юго-востока на австрийские владения, как своих союзников. В 1536 г. Франция заключила с Османской империей договор о совместной борьбе с Габсбургами. Одновременно султан подписал договор о капитуляциях, по которым французские купцы получили широкие торговые, судебные и консульские привилегии на территории Турции.

Турецкий фактор и европейская колониальная экспансия

С другой стороны, турецкая экспансия в XV-XVII вв. нисколько не мешала колониальной экспансии тех европейских государств, которые в Новое время превратились в новых лидеров европейского геополитического пространства. Более того, турецкий фактор способствовал подъему Испании, Португалии, а позже — Нидерландов и Англии. Турецкая экспансия в Южную и Юго-Восточную Европу отодвигала центр европейской цивилизации из Средиземноморья все более на запад и северо-запад. Новые государства-лидеры на Западе начали активное строительство своих колониальных империй, имея в виду территории, на которые Турция не претендовала. В числе этих «новых лидеров» в деле европейской колониальной экспансии оказалась и Московская Русь.

В европейской колониальной политике XVI-XVIII вв. наметились два подхода по отношению к населению территорий, попадавших в орбиту колониального господства. Первый сводился к резкому разграничению территорий метрополии и колонии, коренное население которых имело неравноправный

с колонизаторами статус, сохраняло свои социокультурные особенности, одновременно подвергаясь нещадной эксплуатации, а то и истреблению. Совсем другая политика велась в отношении колоний, заселенных преимущественно выходцами из Европы. Здесь и метрополия, и сами переселенцы способствовали переносу европейской социокультурной организации и хозяйственной деятельности. В результате происходило расширение европейской цивилизации, ее вполне целостный перенос на другие континенты: в Северную Америку, Австралию, Новую Зеландию, отчасти на юг Африки и в Южную Америку.

Нечто родственное этому второму типу западноевропейской колониальной политики демонстрировала и Московия, расширяясь и колонизируя земли на восток и запад от своих исконных границ. В социально-политической области Московия стремилась перенести свою иную, по сравнению с Западом, организацию внутренней жизни на новые подчиненные ей территории. В результате пограничной войны 1487–1494 гг. и военного конфликта 1500–1502 гг. Ивана III отнял у Литвы часть Южной и Западной Руси: Верховские княжества, Чернигово-Северские земли и восточную часть Смоленщины. Его сын Василий III воевал с Литвой в 1512–1522 гг. и завершил присоединение Смоленского княжества к своему государству. А сын Василия III — Иван IV уже решился ввязаться в 25-летнюю Ливонскую войну (1558–1583). Он надеялся получить в Прибалтике все бывшие владения Ордена, начиная с Дерпта (основанного в начале XI в. как древнерусский Юрьев) и, кончая развитыми торгово-ремесленными и портовыми центрами Балтики — Нарвой, Ригой и Ревелем, в которых общественный тон задавало преимущественно немецкое население.

Вдобавок у Литвы и Польши (с 1569 г. — Речи Посполитой) московские правители намеривались отнять «свои вотчины» — Полоцк и другие западно-русские территории. Ливонская война не принесла России удачи, но мы знаем, что это было с лихвой компенсировано при Петре I. Победа в Северной войне (1700–1721) позволила России вернуть потерянные в конце XVI — начале XVII вв. владения у Финского залива (некогда новгородские чудскую, водскую пятины и волость Корелу), а также принесла развитые и вполне европеизированные Эстляндию, Лифляндию, часть Финляндии с Выборгом.

В конце XVIII в. Екатерина II в результате трех разделов Речи Посполитой поставила точку в старинном русско-литовском соперничестве: вся Белоруссия, Литва, Правобережная Украина (без Галиции), а заодно и Курляндия оказались в пределах

российских границ. Поражение Турции в двух войнах с Россией принесло крымские владения и обеспечили русским обладание северным побережьем Черного моря. Перечисленные европейские завоевания России XVIII в., безусловно, стали самыми серьезными ее имперскими приобретениями. В то время в Европе (а значит, и в мире) империи были единственным способом существования великих держав. Не приобрети Россия Балтию, Белоруссию, Литву, Правобережную Украину и Новороссию, она бы не состоялась в XVIII столетии как великая европейская держава.

Подводя итоги всему сказанному, необходимо сделать несколько выводов относительно внешнеполитической линии Московского государства второй половины XV — начала XVI вв. в отношении борьбы с османской экспансией. Это частное проявление внешней политики России прекрасно отразило общие приоритеты геополитической позиции Москвы середины XV — начала XVI вв. (как собственно и более позднего времени) в Европе и сопредельной с Россией Азии. С нашей точки зрения, московская линия мало чем отличалась от позиций, которые демонстрировали в это время ведущие европейские державы. Наблюдался ярко выраженный приоритет внутренних государственных интересов над общими («вселенскими») религиозно-идеологическими соображениями.

Москва проявляла завидную осторожность, гибкость и даже известное «византийское лукавство», общаясь с папской курией, строя конечную линию поведения на трезвом расчете своих военно-политических и экономических возможностей. При этом, где возможно, Российское государство готово было вступить в жесткую конкуренцию внутри европейского мира, делая ставку на постепенное создание большой колониальной империи. Такая же стратегия и тактика была свойственна многим западноевропейским странам и стала залогом их экономической и военно-политической мощи в XVIII–XIX вв.

Summary: The article examines the question of emergence of a unified Moscow state in the European geopolitical space in the second part of XV century — beginning of XVI century in the context of the intentions of the Papal Curia and Habsburgers to get this new large Eastern European Orthodox state involved in the struggle against Ottoman expansion in Europe. An issue of different understanding of the “Byzantine heritage” by Moscow and the West is also raised. The foreign policy line of Russia with respect to Turkey is interpreted as typical for the majority of European countries of that time.

■ История

<i>Ключевые слова</i>	<i>Keywords</i>
Московское единое государство, османская экспансия, попытки создания общего христианского единства, Папская курия, Священная Римская империя германской нации, падение Константинополя, брак Ивана III и Софьи Палеолог, «византийское наследство» России, изменение геополитической картины европейского мира к началу XVI в.	Moscow unified state, Ottoman expansion, attempts to ensure unity among all Christians, Papal Curia, Sacred Roman Empire of the German Nation, the fall of Constantinople, marriage of Ivan III and Sofia Paleolog, "Byzantine heritage" of Russia, a change in a geopolitical picture of the European world by the beginning of XVI century.

Примечания

1. Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. М. 2005. С. 11.
См. также: Pierling P. La Russie et le Saint-Siege. Paris, 1896. Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Paderborn, 1923. 1. Schubmann G. Die "Kaiserin von Konstantinopel" in Nurnberg. Archive und Geschichtsforschung. Newstadt, 1966.
 2. Пирлинг П. Россия и Восток. СПб. 1892. С. 14.
 3. Панова Т.Д. Указ. Соч. С. 12.
 4. Там же. С. 13.
 5. Пирлинг П. Россия и Восток. СПб. 1892. С. 49.
 6. Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб. 2000. С. 203.
 7. Пирлинг П. Указ. соч. С. 68–69.
 8. Там же. С. 70.
 9. Соловьев С.М. Соловьев Соч. в 18 кн. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 3. Т. 4. С. 55.
 10. Панова Т.Д. Указ. соч. С.24.
 11. Там же. С. 25.
 12. Московский летописный свод // РЛ. Рязань, 2000. Т. 8. С. 299–300.
 13. Панова Т.Д. Указ. соч. С. 58.
 14. Там же. С. 19.
 15. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М. 2008. С. 181.
 16. Там же. С. 167.
 17. Там же. С. 383.
 18. Там же. С. 354.
 19. Там же. С. 177.
 20. Там же. С. 322.
-